

Н. М. Гурина (Брест)

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ЯЗЫКЕ
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. ЛЕВОНТИНОЙ**

Книги И. Левонтиной [3; 4] входят в круг изданий по популярной лингвистике, который составляют недавние работы М. Кронгауза «Самоучитель олбанского» (2013) [2], Г. Гусейнова «Нулевые на кончике языка» (2012) [1], Вл. Новикова «Словарь модных слов» (2012) [5]. Эти авторы, активно выступая в периодике, вырабатывают общественное мнение по вопросам речевой культуры, уравнивают

алармистские взгляды некоторых публицистов (см. материалы дискуссии о современном состоянии русского языка в журнале «Знамя» за 2006 и 2007 гг.). Писатели, журналисты, лингвисты дали разностороннюю оценку коммуникативному пространству русского языка.

Цель данной публикации – выявить и классифицировать оценочные высказывания о языке/речи в научно-популярных книгах Ирины Левонтиной и на их основе сделать выводы о направленности лингвистического сознания образованных носителей языка. Принцип отбора языковых единиц в ее книгах авторский, целиком субъективный – это те слова, которые не оставили лингвиста равнодушным, слова с интересной судьбой. В результате анализа «создается языковая картина нашего пестрого и занятого бытия», как писал несколькими годами ранее Владимир Новиков. Жанр определяется в предисловии: «собрание пестрых рассказиков, веселых баек о жизни русского языка». Там же указываются хронологические рамки: для первой книги – 10 лет, вторая книга вышла 6 лет спустя. Размер главок очень короткий, потому что первоначально они писались для периодики. У авторов были колонки в разных изданиях, как у И. Левонтиной в газете «Троицкий вариант».

Первая книга – «Русский со словарем» – включает 11 разделов: *Новый русский, Красиво жить не запретишь, Картина мира, Шпирехен зи дойч* и под. Вторая – «О чем речь» – имеет 10 разделов, представленных несколькими главками: *Что новенького, Слова и случаи, Обмолвясь, История слов, История и слова, Грамматическое, Небесный Розенталь, О лирике и прочих пустяках, Наука и жизнь, Жизнь языка*. Поскольку есть названия игровые, не всегда можно понять, какую тему они раскрывают. Например, название первого раздела второй книги – *Что новенького* – можно использовать как эпиграф ко всему изданию, потому что далее автор как раз и рассказывает, что новенького в нашем словоупотреблении и речевой практике. *О лирике и прочих пустяках* – это цитата из Л. Лосева, так как этот поэт – самый цитируемый автор у И. Б. Левонтиной. В первой книге его классическое «*Шумит словарь на перекрестке*» открывает предисловие, во второй предисловие заканчивается стихотворением Л. Лосева «Грамматика есть бог ума», а глава «Достоевский надрыв» названа также цитатой этого поэта. Источники языкового материала для обеих книг изменились: это рекламные тексты, радио- и телепередачи, записи устной речи. «Меняются наши представления о жизни, наша система ценностей и многое другое. Для всего этого нужен новый язык.

Однако в поисках упаковки для новых смыслов язык больше не обращается – или редко обращается – к писателям», – пишет И. Б. Левонтина [3, с. 41].

Тематические группы лексики, вошедшие в книги, разнообразны: слова, отражающие социальную структуру общества; новые номинации лиц; лексика, несущая ценности общества потребления; гламурная феня, как называет это автор; окказионализмы, утешительные эвфемизмы. Особенно популярны слова, описывающие товарно-денежные отношения. Сегодняшние отношения автор оценивает словами *распил*, *откат* и *занос* [4, с. 258]. Товарный дефицит 80-х годов прошлого века описывается глаголами, у которых молодому поколению известно только прямое значение: *достать*, *давать*, *выбросить*. А контексты типа *достал сапоги*, *дают гречку*, *выбросили зубную пасту* требуют комментария. «Если в языке прижилось новое слово или новое значение у старого слова, значит, это зачем-то языку нужно: в нашем сознании, в культуре появился новый смысл, новое понятие, для которого недостает словесной оболочки. А если нет потребности в такой оболочке – как новое слово ни насаждай, язык его либо отторгнет, либо переосмыслит и вложит в него то содержание, которое ему нужно» [3, с. 44]. Но как, какими путями приходит в язык новое слово, почему оно побеждает в конкурентной борьбе, какими новыми смыслами обрастает – это и является содержанием отдельных глав. Лингвист как участник языкового процесса, как член данной языковой общности расценивает языковые факты наравне со всеми прочими образованными людьми, с той лишь разницей, что у него для этой оценки гораздо больше специальных знаний.

Классифицировать высказывания автора можно следующим образом: все текстовые фрагменты делятся на две группы, содержащие а) положительную оценку состояния языка/речи и б) отрицательную. Во-вторых, учитывается, на что направлена оценка: на код и его элементы или на текст. Положительные оценки как раз направлены на язык: «Я думаю, что язык не обманешь, а правда там, где язык живой» [4, с. 494]. «Мне кажется, сейчас письменный русский язык переживает период невероятного бурного развития – и как раз благодаря интернету вообще и социальным сетям в особенности» [4, с. 499]. Асимметричное распределение положительных и отрицательных оценок речи наблюдается в обеих книгах: «Так, все знают, что *звонишь* – это страшная ошибка. Причем ошибка знаковая, диагностическая, сулящая репутационные потери» [4, с. 401]. О слове *голимый* автор пишет

так: «Сама я его не употребляю, на мой слух оно нахрапистое и вульгарное» [4, с. 276]. В первой книге автор пытается установить причины культурно-речевого кризиса, для этого он излагает взгляды на состояние языка своего времени. Во второй книге автор пытается многомерно оценить современную речевую ситуацию с опорой на свой языковой опыт.

Оценке подверглись практически единицы всех уровней: графического (латинизация алфавита и появление гибридных написаний), лексического (недостаток номинаций в определенных сферах и переизбыток иноязычных – в других), грамматического (аналитическая модель сочетания слов в рекламе типа *йогурт малина персик*, уменьшительно-ласкательные формы типа *шампусик, пивасик и винчик*). Высказывания, направленные на язык/речь, отражают метаязыковую рефлексию автора: «Некоторые иноязычные цитаты становятся самостоятельным фактом культуры, например, *I'll be back*. Русский перевод совершенно не обладает нужным набором ассоциаций» [4, с. 39]; «Как-то упростилась и обеднела система наречий, указывающих на период времени в прошлом: накануне, наперед, давеча» [4, с. 346]. Автор отмечает, что усложнилась социальная структура общества. Об этом свидетельствуют такие прилагательные, которые стали сочетаться со словом *люди* и изменили свой оценочный потенциал: *амбициозные, востребованные, успешные*. Раньше амбиции оценивались как отрицательное качество человека, а теперь – положительное. «К нам пришел западный культ успеха, а раньше успех не считался жизненной ценностью. Успешный человек – это герой нашего времени» [4, с. 21]. Оценка не слова, а нового социального явления стоит за анализом номинации *самодостаточная девушка*, то есть девушка без материальных проблем. Противоположное значение имеет номинация *девушка ни о чем*. Картина повседневности была бы неполной без слов *позитив, вызов, формат*, расширивших свое значение.

Как правило, заимствуется слово с готовым кругом идей. Общество потребления заявило о себе с помощью целого ряда номинаций: *комфортный, актуальный, лояльный*. Этим явлениям и словам посвящена глава «Красиво жить не запретишь».

Рефлектирующее сознание филолога может пользоваться терминологией, а может обходиться общеупотребительной лексикой, чтобы сблизить позиции профессионала и «просвещенного обывателя». Автор замечает, что в речи иногда *гламур* встраивается в ряд *бонжур, амур, тужур, абажур* и воспринимается как французское заимствова-

ние, а выражение *haute couture* – ‘высокая мода’ используется как существительное с предлогом *от*.

В «шуме словаря» автор уловил некоторые окказионализмы: *пафосня, улучшайзинг, апропейство, разосвоение*.

«Я давно заметила, что то или иное явление стремительно распространяется в языке чаще всего в том случае, если соблюдены три условия. Во-первых, в языке должно уже существовать что-то подобное: скажем, отдельные выражения такой структуры, зачатки конструкции – пусть и совершенно до поры до времени непродуктивной, – которые помогают языку принять новое явление. Во-вторых, такая конструкция должна быть в другом языке, который активно влияет на наш – не секрет, что в последнее время это прежде всего английский. И, наконец, третье и самое главное. Языку должно быть для чего-то нужно это новое явление. Скорее всего, оно отражает изменения в так называемой картине мира» [4, с. 19].

1. Гусейнов, Г. Нулевые на кончике языка: Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г. Гусейнов. – М.: Дело, 2010.

2. Кронгауз, М. Самоучитель олбанского / М. Кронгауз. – М.: Астрель, 2013.

3. Левонтина, И. Русский со словарем / И. Левонтина. – М.: Азбуковник, 2010.

4. Левонтина, И. О чем речь / И. Левонтина. – М.: Издательство АСТ, 2016.

5. Новиков, В. Словарь модных слов / В. Новиков. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.